С конца 20-х годов XX века начинается новый этап в развитии государственно-религиозных отношений. Основное содержание ее по-прежнему определялось руководящими партийными органами, в которых стал преобладать «воинствующий» подход к религии и религиозным организациям. Духовенство, верующие, религиозные общества объявлялись единственно легально действующей контрреволюционной организацией.

Идеологические установки ЦК ВКП (б) в отношении религии легли в основу ряда нормативных актов, принятых советскими органами в конце 1920-1930-х годов и, прежде всего, отразились в постановлении Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». По этому постановлению их компетенция сужалась до удовлетворения религиозных потребностей в рамках молитвенного здания. Это вытесняло религиозные организации из всех сфер общественной жизни, где они могли действовать ранее. Последующие годы были продолжением натиска на религию и верующих. Трудности хлебозаготовок и коллективизации перекладывались на «кулацкие элементы», в разряд которых входили и служители культа.

Социально-политическое и экономическое положение служителей культа было настолько тяжелым, что позволяет говорить о серьезной кризисной ситуации для этого слоя общества. Лишенное гражданских прав, облагаемое непосильными налогами и обязательствами, преследуемое по политическим мотивам духовенство наряду с другими категориями граждан, прежде всего сельскими жителями, в конце 20-х годов попадает под первую массовую волну репрессий. Коллективизация и сопровождающие ее процессы привели к тому, что под волну борьбы с «кулаками» попали и без того бесправные служители культа: они раскулачивались, лишались свободы или высылались, имущество их конфисковалось, а семьи лишались крова. Положение остальных религиозных деятелей оставалось чуть менее тяжелым, так как все они были обложены большими налогами, хотя большинство из них не имело даже собственных хозяйств. В ЦДУМ и государственные органы поступает большое количество заявлений от мусульманского духовенства и верующих для того, чтобы обратить внимание на их социально-экономическое состояние. В сложной системе налогообложения для служителей культа определялись особо изматывающие нормы. Налоговая политика в большинстве документов называется грабительской. Кроме налогов, к муллам применялись такие формы воздействия, как выселение с жилплощади лишь по факту лишения избирательных прав, привлечение к различным трудовым повинностям, поставкам мяса, молока, картофеля.

Материальное неблагополучие, гражданское бесправие вынудили часть духовенства отречься от сана. Этот процесс начался в 20-е годы и продолжался в 30-х годах прошлого века. Реакцией на действия властей стало также появление «лапотных» мулл (или «безмечетных»), которые избирались из простых верующих мусульман. Они поддерживали ислам на бытовом уровне, отправляя лишь традиционные религиозные обряды.

В этот период основную массу обращений в ЦДУМ составляют заявления

представителей мусульманских общин по поводу незаконного закрытия мечетей. Идеологическая борьба часто подменялась с внешними проявлениями религии, с ее атрибутами. У многих партийных и советских деятелей превалировало мнение, что важным показателем падения религиозности является закрытие культовых зданий. Отношения ЦДУМ в центральные органы за подписью Р. Фахретдина приводят сотни фактов грубого отношения к чувствам верующих и попрания свободы совести, когда мечеть закрывалась силовым путем без наличия какого-либо постановления.
К примеру, на заседании Президиума ТатЦИКа 6 февраля 1930 года решалась судьба Апанаевской мечети города Казани, на котором было принято решение о расторжении договора с общиной и передаче ее под студенческое общежитие. Махалля обратилась в НКВД с ходатайством о возврате этого уникального исторического памятника середины XVIII века или переноса даты закрытия до 10 марта, т.е. до праздника «Гаид». Тем не менее, в просьбе было отказано, более того – имущество мечети передано по акту за два дня до праздника.
Наряду с закрытием мечетей без согласия верующих допускались отдельные случаи оскорбления чувств верующих. В Атнинской волости Арского кантона ТАССР после закрытия одной из мечетей привезли из соседнего села колокол и повесили его на минарет; в Балтаевской волости один из комсомольцев на минарете пародировал азанчи; в Тюлячинской волости уполномоченный ВИК собрал все религиозные книги и сдал в утильсырье, а на мечети повесил красный флаг.
Судьба культового имущества была разной, хотя закрытие мечетей оформлялось по одинаковым формулировкам, здания передавались на общественно-культурные цели. Часто клубы и школы существовали лишь на бумаге. Большая часть мечетей использовалась на хозяйственные нужды или пустовала.
В мае 1930 года председатель ЦДУМ Р. Фахретдин выезжает в Москву. На встрече с представителями власти муфтий представил доклад о ситуации, сложившейся в мусульманском обществе. Р. Фахретдин приводит лишь некоторые факты издевательств над духовенством и оскорблений чувств верующих; в результате таких действий со стороны государства закрываются мусульманские приходы, мухтасибаты не имеют возможности существовать. Так в ТАССР из 24 мухтасибатов к 1930 году остались лишь три. Число мулл и муэдзинов, не состоящих в должности, достигло 90%. По сведениям муфтия, самый большой процент недействующих махаллей падает на Татарскую республику.
В целом антирелигиозная государственная политика в конце 20-х первой половине 30-х годов, как и другие антидемократические процессы в советском обществе, свидетельствовали о формировании тоталитарного политического режима в стране. Воинствующий атеизм как форма отношений между религией и властью нарастал и достиг пика во второй половине 30-х годов.
Первая по-настоящему массовая волна репрессий против духовенства началась в самом конце 20-х годов. Тогда страна приступает к форсированному преобразованию государства во всех его сферах деятельности. Важным препятствием на этом пути оставалась религия с ее носителями в лице духовенства и простых верующих. Печальные последствия проводимая политика имела в сельской местности, где коллективизация и связанные с ней процессы были направлены на слом традиционного уклада жизни, разрушение крестьянского общинного мировоззрения, в том числе и религиозной идеологии.

Репрессии против верующих-мусульман характерны не только для Татарстана, но и для других областей с мусульманским населением. Например, в 1929 году расстрелу и различным срокам наказания подверглись татары – жители ряда сел Канадейской волости Пензенской губернии. Они обвинялись в нелегальном праздновании Курбан-байрама и организации по этому поводу демонстрации.
В результате массовых репрессий конца 20-х начала 30-х годов было физически уничтожено или устранено значительное количество духовенства всех конфессий и по всей стране. Только «тройкой» ГПУ-НКВД ТАССР в 1929-1938 годах было осуждено 802 представителя мусульманского духовенства Татарстана. Мусульманское духовенство утратило наиболее активную и образованную часть религиозных деятелей, на смену которым приходили неквалифицированные служители культа, что способствовало большой утрате мусульманского наследия татарского общества. Несмотря на то, что некоторые муллы сумели возвратиться на родину после концлагерей и ссылок, многие из них не вернулись к своим прежним обязанностям. Но и те, и другие в середине 30-х годов оказались жертвами уже более суровых репрессий.
О потерях среди служителей культа можно косвенно судить лишь по количеству оставшихся официально исполняющих обязанности. В результате естественной убыли, сложения сана и репрессий количество мусульманского духовенства Татарстана к началу 30-х годов сокращается почти в четыре раза: если к 1927 году число мусульманских служителей культа варьировалось от 3600 до 3900 (т.е. практически не изменилось), то к 1934 году указных имам-хатыбов и муэдзинов осталось около 1000 (по официальным данным – 1555, но в это число были включены «лапотные», «бродячие» и снявшие сан).
Переломным в репрессивной политике советского государства стал 1937 год. Ряд партийных решений, постановлений правительства, приказов силовых ведомств вывели ее на новый уровень, когда физическое уничтожение людей достигло беспримерных масштабов. Как и прежде, сильно пострадало духовенство всех конфессий, снова объявленное кулацким классом. В ходе «кулацкой операции» в Татарстане было репрессировано значительное количество мусульманского духовенства. К высшей мере наказания были приговорены известные мусульманские деятели Татарстана – мухтасиб Дубъязского района Ф. Шамсутдинов, мухтасиб Арского района Г. Уразгильдеев, бывший имам мечети 17 махалли Казани С. Вахитов и другие.
К тому времени было практически уничтожено высшее духовенство – старое руководство ЦДУМ. В 1936 году расстреляна казый ЦДУМ М. Буби, в 1937 году в Москве – имам соборной мечети А. Шамсутдинов, в 1938 году приговорено к высшей мере практически все руководство Духовного управления – Ш. Шараф, З. Камали, Дж. Абызгильдин и другие. Осужденный в январе 1937 года на 10 лет заместитель муфтия К. Тарджиманов в октябре следующего года был этапирован в Уфимскую тюрьму, где в течение года подвергался пыткам.
Самым значительным последствием двух десятилетий борьбы с религией стало исчезновение традиционной татарской махалли с присущими ей социально-экономическими функциями. Уничтожение торгово-промышленной мусульманской буржуазии привело к тому, что мусульманские приходы стали беднеть, а налоговый пресс советской власти привел к полному параличу экономического потенциала махалли. С другой стороны, в 30-х годах уничтожению подверглись мечети. Мечеть, служившая не только для религиозных потребностей, потеряла свою

важнейшую функцию центра религиозно-духовной жизни мусульман. Ликвидация института мусульманского образования и духовенства привела к окончательной недееспособности татарской махалли в ее классическом виде. И. Минуллин